

© 2004 г. А.Е. МАНЬКОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ*

Исторически объяснять индоевропейский язык мы будем в состоянии только тогда, когда будет доказано его родство с другими языковыми семьями, когда таким образом окажется возможным установить системы соответствий и при их помощи составить себе представление о доиндоевропейском периоде" [Мейе 1938: 81]

Происхождение индоевропейской категории рода – один из главных и наиболее трудных вопросов, стоящих перед сравнительно-историческим языкознанием. Несмотря на многочисленные исследования, диахроническая структура той трехчленной системы родовых противопоставлений, которая представлена (или была представлена) во всех индоевропейских языках, кроме анатолийских, тохарских и армянского, остается неясной. Трудность заключается прежде всего в том, что в большей части случаев не виден принцип отнесения существительных к тому или иному роду уже в самый ранний период засвидетельствованной истории всех индоевропейских языков: род является не только полностью сложившейся, но и десемантизированной категорией. Соответственно между засвидетельствованными формами говорят лишь о праиндоевропейском характере категории рода, но мало проясняют ее диахроническую структуру. Реконструкция формирования категории рода связана с рассмотрением этимологии формантов, которые становятся элементами индоевропейской системы классификационных противопоставлений. Для диахронического изучения рода необходимо также рассмотреть эволюцию плана содержания классифицирующих категорий и установить факторы, определяющие направление этой эволюции. В связи с этим в данной статье рассматриваются следующие основные проблемы:

1) Диахрония плана содержания: а) каковы объективные предпосылки именно этой классификации, б) какие качества определяли восприятие одних предметов как одушевленных, других – как неодушевленных (более или менее очевидные случаи типа лат. *pōtus*, -i ж.р. 'фруктовое дерево' ~ *pōtum*, -i с.р. 'древесный плод' немногочисленны), в) в чем заключается телеологическая направленность классификации?

2) Диахрония плана выражения: а) как складывается формальное противопоставление имен, отражающее вышеуказанное различие в восприятии, б) как происходит разделение одушевленного класса на мужской и женский род, в) имеет ли это разделение какую-либо семантическую мотивацию?

Поскольку формирование категории рода относится к доисторическому периоду, оно должно изучаться путем анализа реконструированных форм: речь идет о перенесении метода внутренней реконструкции с засвидетельствованных языков на язык незасвидетельствованный, в данном случае праиндоевропейский. Реконструкция развития праязыка и установление в нем относительной хронологии возможно прежде всего потому, что в засвидетельствованных языках отражены явления разных периодов

* Выражаю глубокую благодарность В.А. Дыбо и Вяч. Вс. Иванову, взявшим на себя труд прочитать рукопись статьи и высказать ряд важных замечаний.

истории праязыка, в том числе самых ранних. Однако проблема в том, что глубинная праязыковая реконструкция, как бы логично она ни была построена, всегда остается лишь одной из возможных интерпретаций и требует проверки фактами. Ими в данном случае могут быть только данные внешнего сравнения¹. Приводимые нами данные внешнего сравнения основаны на ностратической реконструкции в ее наиболее обобщенном и убедительном виде, а именно, на работах В. М. Иллич-Свитыча.

* * *

Несмотря на непредсказуемость и десемантизованность выбора показателей именительного падежа ед. ч., само различие в маркировании этой позиции не может возникнуть немотивированно. Оно может быть связано с каким-то существовавшим ранее различием в восприятии денотатов. Существенно, что показатель прямого объекта и одушевленных и неодушевленных имен совпадает с показателем неодушевленного субъекта **-m*. Это совпадение показывает, что признак одушевленности реализуется только тогда, когда предмет является субъектом. В случае, если он занимает положение объекта, его одушевленность иррелевантна. Очевидно, однако, что два случая употребления аффикса **-m* весьма различны. Дифференциация субъекта и объекта обусловлена различием положений предметов относительно друг друга (такую дифференциацию именных форм можно назвать относительной). Дифференциация субъектов обусловлена наличием/отсутствием у денотата некоторого признака или качества (т. е. является классификационной дифференциацией).

¹ Не следует считать, что обращение к внешнему, неиндоевропейскому, материалу в целях объяснения индоевропейских фактов является объяснением неизвестного через еще более неизвестное. Скептическое отношение к опытам внешнего сравнения связано, по-видимому, с недооценкой возможностей метода “ступенчатой (или поэтапной) реконструкции”. Эта недооценка является следствием представления о реконструированных праязыковых формах как об условной абстракции, при которой неизбежно отвлечение от языковой реальности и пренебрежение фактами, чем глубже реконструкция, тем выше степень “абстракции” и тем значительнее потеря информации. Однако при последовательном применении сравнительно-исторического метода никакой потери информации нет, лингвистическая реконструкция, основанная на сравнительно-историческом методе, – это единственный способ установления диахронической структуры элементов языка [Дыбо 1994: 43–44]. В этом смысле “реконструкция более содержательна и информативна, чем отдельный языковой факт” [Дыбо 2003: 75, 77]. Хронологическое углубление реконструкции при строгом соблюдении сравнительно-исторического метода само по себе не ведет к потере информации. Если какое-либо явление (например, категория рода) не может быть объяснено на синхронном уровне, в том числе праязыковом, следует углублять реконструкцию и давать диахроническую интерпретацию реконструированным праязыковым фактам, основываясь на внешнем сравнении. Единственное препятствие, возникающее перед лингвистической реконструкцией, – это невозможность обнаружить какие-либо допускающие соотнесение элементы: в этом случае нет материала для сравнения и реконструкции. Существование соотносимых элементов в лексике, словообразовании и словоизменении шести языковых семей Евразии, в том числе индоевропейской, было убедительно интерпретировано как свидетельство генетического тождества этих элементов и, следовательно, родства данных языковых семей [Иллич-Свитыч 1971–1984]. В результате появилась та возможность “составить себе представление о доиндоевропейском периоде”, которую предвидел А. Мейе. Необходимо отметить, что если в начале XX в. еще можно было ограничивать задачу исторического языкознания изучением “последовательного развития от общеиндоевропейского к каждому данному языку” [Мейе 1938: 78], то уже в 30-е годы осознается необходимость изучения предистории самого праиндоевропейского языка [Бенвенист 1955: 25], который следует рассматривать “не как собрание неизменных символических знаков, а как язык в его становлении, раскрывающий в своих формах такое же разнообразие происхождения и хронологии, как и у любого исторически засвидетельствованного языка”, как язык “хотя и восстановленный, но допускающий, тем не менее, генетический анализ” [Там же: 26]. Таким образом, возникновение в 60-е гг. ностратики, одной из задач которой является диахронический анализ праязыков, было подготовлено всем предшествующим развитием сравнительно-исторического языкознания.

Очевидно, что восприятие предметов как “одушевленных” (“активных”) и “неодушевленных” (“инактивных”) образуется не произвольно, не а priori. Оно складывается в ходе эмпирического познания, как следствие опыта наблюдения за предметом. Реализация признаков активности ~ инактивности зависит от положения предмета при совершающемся действии. Активность проявляется в случае, когда предмет оказывает какое-либо воздействие на другой предмет, т.е. когда он выступает субъектом активного действия. Следовательно, восприятие предметов как активных обусловлено их способностью оказывать какое-либо воздействие на другой предмет. Активность реализуется тогда, когда предмет занимает позицию субъекта воздействия (т.е. активного действия). Восприятие предметов как инактивных обусловлено их неспособностью оказывать какое-либо воздействие на другой предмет и, следовательно, неспособностью занимать позицию субъекта активного действия. Из этого следует, что в зависимости от способности занимать положение субъекта активного действия, все множество предметов делится на два класса. Первый класс составляют предметы, могущие одинаково часто быть и субъектами, и объектами активного действия. Второй класс составляют предметы, не могущие быть субъектами активного действия. Выделение этих двух классов предметов связано с наличием двух типов действий: 1) действия, представляющие собой то или иное воздействие на предмет (активные действия) и 2) действия, не являющиеся воздействием на предмет (инактивные действия). Активное действие не только распространяется на предмет, но и является воздействием на него. Инактивное действие также может распространяться на предмет, но оно не является при этом воздействием. (Ср., например, *человек кладет камень, камень убивает человека, молния зажигает дерево* – активные действия, *человек сохраняет мужество, древесина сохраняет твердость* – инактивные действия с объектом; *человек лежит, древесина лежит* – инактивные действия без объекта.) Итак, различие активных и инактивных действий проявляется в наличии прямого объекта у первых и его отсутствии у вторых. Активное действие, являясь по своей природе воздействием, естественно подразумевает предмет, испытывающий это действие. Инактивное действие чаще всего не является направленным на предмет, в случае наличия этой направленности, предмет не испытывает какого-либо воздействия. При глаголе, обозначающем активное действие, имена предметов 1-го класса могут одинаково часто быть и субъектами, и объектами; имена предметов 2-го класса могут занимать только позицию объекта. В принципе, любой предмет 1-го класса, в силу своей способности быть производителем активного действия, может быть воспринят как одушевленный, а действие, совершаемое им, – как разумное и целенаправленное. Вероятно, именно такое восприятие предметов характеризовало ту эпоху, когда возникла классификационная дифференциация существительных.

Без установления причины восприятия одних предметов одушевленными, других неодушевленными, анализ лингвистических категорий, с которыми диахронически связана категория рода, неизбежно был бы поверхностным. Установление этой причины, в свою очередь, связано с реконструкцией некоторых аспектов протокультуры. Ни в коей мере не разделяя взгляд на доступный реконструкции праязык как на источник информации о “первобытном мышлении”, мы, тем не менее, не исключаем возможности использования данных лингвистической реконструкции для восстановления определенных аспектов мировосприятия. В данном случае лингвистический материал должен дополняться материалом мифологии, поскольку мифология являлась тем способом мыслительного освоения действительности, который был свойствен праиндоевропейской эпохе. В основе мифологии лежит приписывание природе общинно-родовых отношений и, таким образом, одушевление природы. Эта особенность мировосприятия, которую А.Ф. Лосев определяет как космологический соматизм [Лосев 1988: 191], основана на отсутствии сознательного установления в материальности ее объективной абстрактной структуры [Лосев 1989: 8]. Следовательно, и во всяком отдельно взятом предмете не выявлялась его специфическая структура, предметы воспринимались недискретно, в них внутреннее не отделялось от внешнего (степень этой недис-

кретности уменьшалась с развитием общинно-родового строя). Представление о предметах и отношение к ним определялись не аналитическим распознаванием их объективных свойств, а биопсихологическими реакциями [Лосев 1996: 59]. Из этого следует делать вывод о том, что любое изменение или действие, внешне соотнесенное с материальностью предмета, воспринималось одновременно как прямое выражение его смысловой сущности. Таким образом, предметам приписываются свойства и качества, объективно им не принадлежащие. Например, причины таких действий, как падение со скалы камня или удар молнии, помещаются в сами эти предметы. Любое активное действие, производимое предметом, кажется целенаправленным, а сам предмет представляется разумным и одушевленным и этими качествами подобным человеку. Одушевление в данном случае представляет собой не метафору, а является отношением к вещи как к одушевленной, живой в буквальном смысле. Это основано на восприятии и объяснении внешних явлений, связанных с предметами, как непосредственного выражения их собственной смысловой сущности. Такое отношение к действительности является основной особенностью мифологического мировосприятия, сохраняющейся во все периоды общинно-родового строя, включая и тот, к которому хронологически относится индоевропейский праязык.

Итак, решение первой проблемы, поставленной в данной статье, кратко формулируется следующим образом:

а) объективной предпосылкой именной классификации является наличие двух классов предметов: 1-й класс – предметы, могущие быть и субъектом, и объектом активного действия, 2-й класс – предметы, не могущие быть субъектом активного действия,

б) восприятие предмета как одушевленного определяется его способностью быть субъектом активного действия; восприятие предмета как неодушевленного определяется его неспособностью быть субъектом активного действия;

в) приписывание признаков одушевленности ~ неодушевленности является средством объяснения причины действий и изменений, связанных с предметами: так, активные действия воспринимаются и объясняются как следствие одушевленности предмета.

Рассмотрим теперь, как осуществлялась классификационная дифференциация именных форм.

Поскольку предмет 1-го класса в зависимости от своего положения воспринимается по-разному – либо с осуществленным, либо с неосуществленным признаком одушевленности – это различие в восприятии требует дифференциации соответствующих именных форм. Имя 1-го класса должно иметь две различные формы – субъектную (отражающую положение предмета, в котором проявляется одушевленность) и объектную (отражающую положение предмета, в котором он испытывает действие, т.е. когда его собственная одушевленность иррелевантна). Иначе обстоит дело с именами 2-го класса. Поскольку неодушевленные предметы не могут занимать положение субъекта активного действия, всегда являясь при этом действия объектами, у имен 2-го класса имеется только одна форма. Ввиду невозможности для имен 2-го класса оппозиции “субъект ~ объект” при активном глаголе, эти имена не имеют соответствующего маркирования. Иначе говоря, форма имен 2-го класса не маркируется специально как объектная. Что касается инактивного действия, то его носителем может быть и одушевленный, и неодушевленный предмет; поэтому способность занимать положение субъекта инактивного действия не является выражением одушевленности или неодушевленности; следовательно, позиция субъекта инактивного действия специально не маркируется (ср. [Филлмор 1999: 206–207]).

На первый взгляд, изложенные соображения ведут к некоторому противоречию. Сказано, что в позиции прямого объекта признак одушевленности снимается; соответственно, имя 1-го класса формально приравнивается здесь к именам 2-го класса. А поскольку у имен 2-го класса нет форманта прямого объекта, его, следовательно, не могут иметь и имена 1-го класса. Что касается позиции субъекта, то при активном действии он всегда является одушевленным и не требует поэтому специального маркирования; при

инактивным действии признаки одушевленности ~ неодушевленности иррелевантны. Следовательно, и в этой позиции у имен нет соответствующего форманта.

С другой стороны, говорится, что имена 1-го класса должны иметь две различные формы – субъектную и объектную. Но если ни одна из позиций, занимаемых именем, не нуждается в маркировании, как появляются эти формы? Ответ на этот вопрос будет предложен далее, после анализа некоторых ностратических словообразовательных и словоизменительных аффиксов. Прежде чем приступить к этому анализу, еще раз отметим, что хотя те позиции, которые может занимать имя 1-го класса, сами по себе не нуждаются в специальном маркировании, предмет, обозначенный этим именем, в зависимости от своего положения воспринимается по-разному. В положении субъекта активного действия он всегда (имманентно) активен, в положении прямого объекта – всегда инактивен. Именно это различие, проявляющееся в названных позициях, и требует морфологического выражения. Тем самым, позиция субъекта активного действия маркируется как позиция, в которой проявляется одушевленность; точно так же, позиция прямого объекта маркируется как позиция, в которой признак одушевленности снимается.

Обращаясь к материалу индоевропейских языков, мы видим два типа имен: имеющие разные аффиксы в позициях субъекта и прямого объекта (*-s resp. *-m) и имеющие один и тот же аффикс в этих позициях (*-Ø, *-m). Поскольку неодушевленность оправданно реконструируется как семантическая доминанта имен на *-Ø и *-m, есть все основания предполагать, что эти имена были обозначениями предметов, не могущих быть субъектами активного действия (имена 2-го класса); в то же время, имена на *-s являлись обозначениями предметов, могущих занимать эту позицию (имена 1-го класса). Имена 1-го класса закономерно приобретают в позиции прямого объекта аффикс имен 2-го класса *-m. Исходя из совпадения формы прямого объекта у имен 1-го класса с формой имен 2-го класса, можно заключить, что если у первых *-m представляет собой словоизменительный аффикс, у вторых он генетически не является таковым. Как говорилось выше, у объектной формы имен 2-го класса нет особого маркирования; в качестве субъекта инактивного глагола эти имена также не маркируются, поскольку эта позиция не является позицией проявления признаков одушевленности ~ неодушевленности. Следовательно, имена 2-го класса характеризуются нулевой флексией и в субъекте, и в прямом объекте. Закономерным поэтому будет предположение, что и.е. *-m является по происхождению словообразовательным аффиксом неодушевленных имен. Его использование в качестве показателя прямого объекта у одушевленных имен является выражением снятия признака одушевленности в данной позиции. Здесь встает вопрос об этимологии и.е. *-m, который не может быть решен на основании одного индоевропейского материала.

Согласно В.М. Иллич-Свитычу, и.е. *-m восходит к праностратическому показателю маркированного прямого объекта *-mA [Иллич-Свитыч 1971–1984, т. II: 48–51 (№ 285)], который, однако, характеризовал не все имена: его имели по преимуществу обозначения одушевленных предметов. Имена неодушевленных предметов в позиции прямого объекта характеризовались нулевым аффиксом (в частности, судя по данным дравидийских языков; ср. также индоевропейские гетероклитические существительные и и-основы ср. р.). Поскольку позиция прямого объекта характеризуется снятием признака одушевленности, имена 1-го класса должны оформляться в этой позиции так же, как имена 2-го класса. Однако мы сталкиваемся с несовпадением их аффиксов: *-mA – у одушевленных и *-Ø у неодушевленных имен. Мы подошли к тому противоречию, о котором говорилось выше. Оно может быть разрешено путем установления этимологии праностр. *-mA.

Наличие *-mA в позиции снятия признака одушевленности у имен 1-го класса свидетельствует о какой-то связи этого форманта с неодушевленными именами. Мы предполагаем, что первичное назначение праностр. *-mA – словообразовательное. Генетически это именной суффикс, развившийся из праностр. *mA, форманта в относительных конструкциях с именной функцией; см. об этом [Иллич-Свитыч 1971–1984, т. II:

45–48 (№ 284)]. Существенно, что из реконструированных именных словообразовательных аффиксов именно **-mA*, судя по рефлексам, отличался наибольшей универсальностью и широтой значения; следует предполагать, что **-mA* был наиболее частотным суффиксом неодушевленных имен. Вследствие необходимости формальной дифференциации позиций релевантности ~ иррелевантности признака одушевленности, имена 1-го класса приобретают в позиции прямого объекта (т.е. в позиции иррелевантности признака одушевленности) аффикс **-mA* > **-m*, характеризующий производные имена 2-го класса. Распространение **-mA* на одушевленные имена обусловлено приравниванием одушевленных имен к неодушевленным в позиции прямого объекта. Таким образом, аффикс **-mA* начинает использоваться в словоизменительной функции показателя прямого объекта (в позиции субъекта в праностратическом сохраняется нулевой аффикс). Возникают два парадигматических класса имен: к 1-му относятся имена, употребляющиеся и в субъекте, и в прямом объекте и имеющие разные аффиксы в этих положениях; ко 2-му относятся имена, не употребляющиеся в субъекте активного глагола, а в прямом объекте имеющие нулевой аффикс. Существенно, что форманты, посредством которых осуществляется относительная дифференциация имен 1-го класса, являются одновременно показателями релевантности ~ иррелевантности признака одушевленности: относительная дифференциация совмещается с классификационной.

Очевидно, что существенным моментом в приведенном построении является гипотеза о первоначально суффиксальном характере **-m* в неодушевленном классе. Следует учитывать, что В.М. Иллч-Свитыч не усматривал связи между и.-с. **-m* как показателем неодушевленного класса и суффиксом **-mA*. Тем не менее, в пользу предположения о первоначально суффиксальном характере **-m* в неодушевленном классе свидетельствуют данные, приведенные в [Хелимский 2000]. Е.А. Хелимский предполагает, что **-m* в среднем роде генетически является суффиксом *nomina abstracta*, который возводится к клитике **mA*. В его статье приводится материал самодийских языков, сохраняющих данную клитику в ее древнейшей функции [Хелимский 2000: 471]. Приводится также пример этимологического тождества собирательных форм с **mA* в славянском и селькупском [Там же: 472].

Необходимо отметить одну деталь, затрудняющую интерпретацию индоевропейских существительных ср. р. с **-m* и форм с **-mA* (подобных селькупским) как полностью тождественных на синхронном уровне. Дело в том, что и.-с. **-m* является словоизменительным аффиксом, в отличие от форм, аналогичных селькупской, где **-mA* выступает как словообразовательный элемент. Мы, однако, предполагаем, что функционирование **-m* в качестве окончания является поздней индоевропейской инновацией, вызванной появлением окончания **-s* у одушевленных имен в им. п., в результате чего **-m* было осмыслено как окончание им. п. ед. ч. неодушевленного класса (т.е. произошло переразложение основы, при котором **-m*, являвшееся суффиксом, стало окончанием: **med-j-o-m-Ø* (с нулевым окончанием) > **med-j-o-m* (с окончанием **-m*) > рус. *-водье* в *мелководье*); подробнее об этом процессе см. ниже.

Таким образом, для праностратического реконструируется следующая глубинная структура:

Схема 1

	V_{act}	V_{inact}
S	$N_1 - *-Ø$	$N_1 - *-Ø, N_2 - *-Ø$
O+	$N_1 - *-mA, N_2 - *-Ø$	–

В схеме показаны аффиксы, которые имена имеют в позициях субъекта и прямого объекта при глаголе (позиция прямого объекта при инактивном глаголе невозможна). S символизирует позицию субъекта, O+ – маркированного прямого объекта, V_{act} – ак-

тивный глагол, V_{inact} – инактивный глагол, N_1 – имя 1-го класса (одушевленное), N_2 – имя 2-го класса (неодушевленное).

Как видно, глубинную структуру подобного типа следует описывать посредством схемы 103 у Филлмора [Филлмор 1999: 206].

Рассмотрим теперь, как глубинная структура праностратического языка преобразовывалась в праиндоевропейском.

Исходное праиндоевропейское новшество – это маркирование имен 1-го класса в позиции субъекта активного глагола аффиксом $*-s$ (о возможной связи этого аффикса с основой указательного местоимения м. и ж. р. $*s$ - см., например [Уленбек 1950: 101]). Маркирование обусловлено тем, что в позиции субъекта активного действия проявляется одушевленность денотата, – это противопоставляет данную позицию как прямому объекту, где одушевленность (т.е. способность активно действовать) утрачивается, так и субъекту инактивного действия, где признаки одушевленности ~ неодушевленности иррелевантны. Для раннего праиндоевропейского восстанавливается следующая глубинная структура (ср. схему 106 у Филлмора [Филлмор 1999: 207]):

Схема 2

	V_{act}	V_{inact}
S	$N_1 - *-s$	$N_1 - *-Ø, N_2 - *-Ø$
O	$N_1 - *-m, N_2 - *-Ø$	–

Преобразование праностратической структуры относительной дифференциации имен повлекло значительную перестройку именной парадигматики. Преобразованиям подверглась парадигма тех имен, которые могли занимать позицию субъекта активного глагола и характеризовались здесь окончанием $*-s$. Эта позиция характеризовалась в праностратическом нулевым показателем, следовательно, и.е. $*-s$ присоединялось к чистой основе. Присоединение этого окончания было четким указанием границы основы (о тематических гласных см. ниже). Вследствие этого основа названных имен не могла при словоизменении распространяться элементами, отсутствующими в основе падежа субъекта активного глагола. Окончания косвенных падежей должны были присоединяться к той же основе, к какой присоединялось окончание прямого падежа. Действие этого морфотактического правила привело к исчезновению элементов предшествующей словоизменительной системы. Прежде всего, исчез праностратический показатель косвенной формы $*-n$ [Иллич-Свитыч 1971–1984, т. II: 78–81 (№ 314)]; см. ниже о гетероклитическом склонении. В праиндоевропейском показателем родительного падежа (падежа, непосредственно отражающего древнюю косвенную форму) становится $*-s$. Это окончание этимологически отождествляется с окончанием падежа субъекта активного глагола [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 277]: будучи показателем одушевленного субъекта, окончание $*-s$ должно было характеризовать и определяющие слова в атрибутивных синтагмах; в тех синтагмах, которые выражали принадлежность, форма определяющего слова становится формой притяжательного родительного падежа.

Изменения произошли и во множественном числе. Аффикс $*-s$, маркируя позицию проявления признака одушевленности, присоединялся к именам и в единственном, и во множественном числе, т.е. выражал только граммему субъекта активного глагола и не указывал на число. Для отличия единственного числа от множественного использовался элемент $*-e-$, выступавший тем самым показателем множественности: и.е. $*ped-s$ ‘нога’ ~ $*ped-e-s$ ‘ноги’. Мы предполагаем, что возникновение $*-e-$ как показателя мн. ч. одушевленных имен было обусловлено наличием имен с аффиксом $*-o-$, восходящим к праностратическому словообразовательному аффиксу отлагольных имен $*-ʔa$ [Иллич-Свитыч 1971–1984, т. I: 258 (№ 122)]. Аффикс $*-o-$ и в праиндоевро-

пейском использовался для образования имен от глаголов (ср др.-греч. *λογος* 'слово' к *λέγω* 'говорю'). Именно под влиянием имен с суффиксальным *-o- (< праностр. *-la), элемент *-o- распространяется на бессуффиксные ("корневые") имена, становясь показателем единственного числа. "Тематизация" имен не была завершена в праиндоевропейском: противопоставление нулевого показателя в ед. ч. и показателя *-e- во мн. ч. отражено в существительных корневого склонения, имеющих окончание *-s в им. п. ед. ч. и *-es в им. п. мн. ч.

Наличие показателя *-s во мн. ч. указывает на особое значение этой формы: она выражает множество, в котором денотаты сохраняют признак одушевленности, т.е. множество отдельных единиц. В праиндоевропейском имелся еще один показатель множественности, *H₂, отраженный как *-ā/ā в им. п. мн. ч. имен ср. р. [Мейе 1938: 305–330]. То, что форма им. п. мн. ч. ср. р. согласуется с глаголом в ед. ч. (например, в древнегреческом) свидетельствует о первоначальном – собирательном – значении этой формы. В данном случае указывается не на множество отдельных предметов, а на целое, образуемое множеством. Формант *-H₂ был парадигматическим элементом, выражавшим собирательность, и использовался наряду с формантом раздельной множественности *-e-s. Существенно, что возможность присоединения *-H₂ не зависела от типа имени: его могли иметь имена как 1-го, так и 2-го класса. На наличие *-H₂ у имен 1-го класса указывают случаи двойности мн. ч. ср. лат. *loca* 'места, местность' и *loci* 'отдельные места' к *locus* 'место'. Поскольку при нераздельной множественности признак одушевленности иррелевантен, имя с формантом *-H₂ не допускало присоединения окончания *-s и не могло сочетаться с активным глаголом. Под влиянием формы раздельной множественности формант *-H₂ осложняется элементом *-e-: *-H₂ → *-e-H₂. Этот процесс, сходный с тематизацией, не был завершен в праиндоевропейском, вследствие чего в одних языках закрепился вариант *-H₂ (> *-ā), в других *-e-H₂ (> *-ā): ср. др.-греч. *ζυγοι*, лат. *juga*, отражающие *-H₂ и ст.-слав. *ига*, др.-англ. *geosi*, отражающие *-e-H₂.

И в праностратическом, и в раннем праиндоевропейском морфологическое выражение одушевленности и неодушевленности является позиционно обусловленным, т.е. связано с противопоставлением позиций, занимаемых именем в предложении: форманты, посредством которых осуществляется относительная дифференциация (т.е. форманты падежей) являются одновременно показателями одушевленности ~ неодушевленности. В более позднем праиндоевропейском выражение одушевленности перестает быть связано только с субъектом активного глагола. Формант одушевленности *-s переносится и на ту позицию, где этот признак ранее был иррелевантным, а именно, на позицию субъекта инактивного глагола. Установление различного маркирования имен в одном и том же положении (положении субъекта инактивного глагола) выражает независимость признака одушевленности от позиции. Это явление свидетельствует о том, что одушевленность начинает восприниматься как имманентный признак предмета. В неодушевленных именах, образованных посредством суффикса *-m (праностр. *-mA), это *-m перестает быть суффиксом и превращается в окончание. Это обусловлено появлением окончания *-s у одушевленных имен в позиции субъекта инактивного глагола. И -e *-s и *-m становятся показателями классов: *-s выражает грамму субъекта (и активного, и инактивного глагола) и одушевленности; *-m выражает грамму субъекта инактивного глагола, прямого объекта и неодушевленности. Глубинная структура этого периода изображена в схеме

Схема 3

	V _{act}	V _{inact}
S	N ₁ - *s	N ₁ - *-s, N ₂ - *-∅, *-m
O	N ₁ - *m, N ₂ - *-∅, *-m	—

Аффикс **-m* в субъекте инактивного глагола характеризовал не все неодушевленные имена Нулевой показатель в этой позиции сохраняется у неодушевленных имен с *i-* и *и-* основами, а также у тех неодушевленных имен, которые в праностратическом и в раннем праиндоевропейском были непроезными именами 2-го класса – точнее, не были образованы с помощью **-m(A)* Последние, наряду с нулевым показателем в им и вин падежах, сохраняют рефлекс праностратического форманта косвенного падежа **-n* [Иллич-Свитыч 1971–1984, т II 78–81 (№ 314)], который утрачивает свое значение, отходит к основе и не вычленяется как словоизменительный аффикс, показателем родительного падежа становится **-s* Наличие *-n-* в основе косвенных падежей образует гетероклизию Список гетероклитических существительных см., например, в [Бенвенист 1955 27–46], им же была показана вторичность элементов **-r* и **-i* в словах этого типа [Там же 47–55, 215–218]

Что касается имен одушевленного класса, то они утратили **-n* в косвенных падежах еще в период предшествующей глубинной структуры Чем обусловлено сохранение **-n*, пусть и в измененном качестве, у гетероклитических существительных? Здесь действует та морфотактическая закономерность, о которой говорилось выше все падежные показатели должны были присоединяться к той основе, к какой присоединялись показатели прямого падежа в ед ч Те неодушевленные имена, которые не были образованы с помощью **-m(A)*, имели нулевой показатель в прямом падеже ед ч и, следовательно, допускали сохранение *-n-* в косвенных падежах (появление *-i* в им п ряда слов гетероклитического склонения вызвано, по-видимому, контаминацией с *i-*основными именами неодушевленного класса) В синхронии оказывается, что прямая и косвенная форма этих имен образуется от разных основ Итак, благодаря внешнему сравнению гетероклитическое склонение предстает в реальной диахронической перспективе за собранием форм, “заимствованных из самых разных систем, объединенных позднее и зачастую без должной связи” [Бенвенист 1955 218], видится один четко определенный морфологический тип К гетероклитическому склонению относятся те неодушевленные имена, которые в праностратическом были именами 2-го класса, образованными без суффикса **-m(A)*

Происходят изменения и в системе форм мн ч Неодушевленные существительные имели только одну форму мн ч – собирательную на **-(e)-H₂* Формы раздельного мн ч у этих существительных не было Вследствие отсутствия оппозиции раздельного ~ нераздельного мн ч, **-(e)-H₂* у неодушевленных имен утрачивает свое особое, собирательное, значение и становится показателем мн ч, нейтральным в отношении раздельности ~ собирательности Это способствует исчезновению грамматической категории раздельности ~ собирательности

Имелось определенное количество существительных, употреблявшихся в форме только нераздельной множественности (*collectiva tantum*), например, **H₁kw-e-H₂* (лат *aqua*, гот *ahwa*, рус *Ока*) Сюда же относились имена с отвлеченным значением, развившимся на основе значения нераздельной множественности (лат *fuga* ‘бег’, гот *giba* ‘дар’) После того, как аффикс **-(e)-H₂* перестал быть показателем собирательности, статус этих существительных изменился С одной стороны, их форма перестала указывать на собирательность, с другой стороны, специфика денотатов препятствовала восприятию их формы как формы множественного числа Вследствие этого, данная группа существительных образовала отдельный парадигматический класс, особенностью которого стало окончание **-(e)-H₂* > **-ā/ā* в им п ед ч² Удобнее всего пояснить

² Первоначально такие существительные имели форму собирательного мн ч при отвлеченном значении (*collectiva tantum* > *abstracta*) Впоследствии с утратой формантом **-ā/-a* специально собирательного значения, их форма стала формой ед ч В германских языках имеются случаи, когда отвлеченное существительное используется в форме только мн ч имея рефлекс форманта **-ā* Ср новоисл *hrif* с р (мн) ‘восторг’ *ahrif* с р (мн) ‘влияние (образовано к *hrifa* 1 ‘выхватывать, действовать на кого-л. производить впечатление, увлекать’) Это свидетельствует, что отвлеченные имена на **-a* наряду с переходом в ж р ед ч могли сохраняться и образовываться в форме мн ч ср р (первоначально форма нераздельной множественности)

это на примере и.-е. $*H_1kw(e)-H_2$ Первоначально это была форма *collectiva tantum* со значением 'нераздельная совокупность вод', 'составляющая', например, реку. Новая функция аффикса $*(e)-H_2$ как показателя мн. ч. стала противоречить сущности денотата: здесь важно не множество элементов само по себе, а целое, создаваемое множеством. В итоге данная форма стала единственным числом с окончанием $*-a$, где собирательность уже не выражена морфологически, а лишь в большей или меньшей степени коннотируется лексическим значением³.

После утраты аффиксом $*(e)-H_2$ собирательного значения у одушевленных имен оказалось два показателя мн. ч. — $*-e-s$ и $*(e)-H_2$. Очевидно, что второе окончание было здесь малоприспособно: имя с $*-H_2$ могло сочетаться только с неактивным глаголом в ед. ч., что не соответствовало функции одушевленных имен. В большинстве случаев во мн. ч. закреплялась $*-e-s$. Но иногда мн. ч. на $*-H_2$ сохранялось — это было обусловлено значительным различием значений прежних форм собирательности и раздельности (ср. значения 'местность' и 'отдельные места'). Аффикс $*(e)-H_2$, присоединяясь к основам одушевленных имен, приобрел совершенно новое значение, став показателем женского рода. Разделение имен одушевленного класса на два парадигматических типа (т.е. на два рода) знаменует возникновение новой именной категории — категории рода (*genus*). В плане содержания грамматическая категория рода связана на данном этапе с приписыванием денотатам мужского или женского пола. Таким образом, данная категория является морфологической реализацией понятия пола (*sexus*). Это понятие является естественным развитием понятия об одушевленности. До разделения одушевленного класса на две парадигмы формант $*-s$ характеризовал обозначения денотатов и мужского, и женского пола, т.е. пол денотата грамматически не выражался (ср. др.-греч. $\lambda\alpha\tau\rho$, $\lambda\alpha\rho\theta\epsilon\nu\omicron\varsigma$, $\lambda\omicron\iota\varsigma$). При возникновении категории рода $*-s$ становится показателем м.р., что отражается в существовании пар типа $\acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\omicron\varsigma \sim \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\acute{\eta}$. Имена ж.р. объединяются по своей форме с существительными *collectiva tantum* на $-ā/ā$.

Такое существительное одушевленного класса, как и.-е. $*bherH_1g'-o-s$ 'береза' могло иметь две формы множественности $*bherH_1g'-e-s$ и $*bherH_1g'-e-H_2$. Впоследствии $*bherHg'-e-s$ закрепилось как мн. ч. ($\rightarrow *bherHg'-o-es > *bherHg'-\acute{o}s$), а $*bherHg'-e-H_2$ стало формой ед. ч. ж.р. к $*bherHg'-os$. В исторических языках обобщен либо м.р., либо ж.р. ср.-др.-инд. $bhūrjáh$ м.р. (< и.-е. $*bh_1rHg'-os$), лит. $bėrzás$ м.р. (< и.-е. $*bherHg'-os$) и др.-исланд. $bjork$ ж.р., рус. береза ж.р. (< $*bherHg'-ā$).

Возникновение двух разновидностей одушевленного класса было последним важным событием эпохи семантически мотивированной классификационной дифференциации. Далее происходит десемантизация именных классов, обусловленная глубокими изменениями в мировосприятии человека. Эти изменения были следствием разрушения дорефлективной мифологии, в основе которой лежало восприятие объективно неодушевленных предметов как способных действовать самостоятельно и целенаправленно. Действия, соотношенные с материальностью вещи, постепенно перестали восприниматься как непосредственно обусловленные сущностью самих этих вещей. Представление об одушевленности и неодушевленности делалось излишним, поскольку активные действия уже не мыслились выражением одушевленности предмета. Соответственно, стирались принципы отнесения существительных к тому или иному

³ Ср. значения лат. *aqua* — вода, воды, море, озеро, река, дождь, воды, источники, слезы' и гот. *ahwa* — 'вода, воды' в контексте 'когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его' (Лк 6, 48). В следующем стихе в совершенно аналогичном контексте используется слово *flodus* 'дом', когда наперла на него вода, тотчас обрушился' (Лк 6, 49). Таким образом, греч. $\lambda\omicron\tau\omicron\chi\omicron\varsigma$ переводится и как *ahwa*, и как *flodus*, однако *ahwa* использовалось, вероятно, только тогда, когда речь шла о речных водах, а не о реке как географическом объекте. В скандинавских языках это слово полностью утрачивает собирательное значение и используется только как обозначение реки: исл. *á*, *-r* 'река', швед. *å*, *-n*, *-ar* 'река' (средней величины).

классу Принадлежность к парадигматическим классам перестала быть семантически мотивированной. Это значит, что форманты **-s*, **-ǎ/ā* и **-m*, **-Ø* перестали выражать граммы одушевленности и неодушевленности и стали чисто парадигматическими элементами – показателями падежей. В позиции субъекта активного глагола оказались возможны имена на *-m*, точно так же, *-m* в позиции прямого объекта уже не указывал на утрату признака одушевленности. Именные классы, утратив семантическую мотивированность, продолжают, однако, противопоставляться формально, что и создает деление на исторические роды. Вследствие десемантизации именных классов форманты **-(o)s* и **-ǎ/ā* перестали быть показателями пола у обозначений (объективно) неодушевленных денотатов: в этом случае род перестал соотноситься с полом. В последующие эпохи соотносительность неодушевленных предметов с мужским или женским полом может быть обусловлена различными поверьями, особыми для каждой культуры, а также поэтическим олицетворением. Более или менее регулярная соотносительность рода с полом ограничивается только обозначениями одушевленных денотатов.

Итак, решение второй проблемы, поставленной в данной статье, кратко формулируется следующим образом:

а) отправной точкой развития именной классифицирующей категории, представленной в индоевропейских языках, является возникновение двух парадигматических классов существительных в праностратическом существительных, употребляющихся и в субъекте, и в прямом объекте, и имеющих разные показатели в этих позициях, существительных, не употребляющихся в субъекте активного глагола, а в прямом объекте имеющих нулевой показатель,

б) разделение одушевленного класса на две парадигмы в праиндоевропейском вызвано исчезновением грамматической категории раздельного ~ собирательного мн. ч. и использованием показателя, выражавшего собирательность, в качестве форманта женского пола, показатель, выражавший одушевленность (недифференцированную в отношении пола), становится показателем мужского пола,

в) замена двучленной системы именных классов на трехчленную обусловлена приписыванием тем денотатам, которые мыслятся одушевленными, мужского или женского пола, таким образом, новая система явилась грамматической реализацией понятия пола.

Некоторые дополнительные особенности формирования классификационной дифференциации существительных могут быть прослежены в связи с историей *i*-основ. В истории существительных с суффиксом **-ī-* мы выделяем следующие этапы (см. также [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 284–285]):

1. Вследствие превращения формы нераздельной множественности в форму ж. р., в праиндоевропейском возникают имена с **-ī* (< **-ī-H₂*) в им. п. ед. ч. Форма активного субъекта (с **-ī-s*) становится формой субъекта м. р.

2. Существительные м. р. на **-ī-s*, обозначающие лиц мужского пола и те предметы, которые мыслятся носителями мужского начала, тематизируются под влиянием более многочисленных имен на **-o-s*. Точно так же, существительные ж. р. на *ī* переходят в *ā*-склонение. Возникают склонения на *jo/yo* и на *jā/ijā*. Значение 'относящийся, принадлежащий кому-л./чему-л.', свойственное основам на **-ī-* [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 284], может быть прослежено у существительных на **-jo-* и **-jā-*, являющихся, как мы предполагаем, следствием преобразования древних *i*-основ ср.-ст.-слав. *доуша* (**dūxjā*) к *доушѣ*, др.-исл. *Ægir* м. р., *ia*-основа, имя морского божества (< прагерм. **ēgw-ij-az* [Noreen 1923: § 317.3a] из *ī*-основы **ēgw-ī-*) и др.-исл. *ey* ж. р., *jō*-основа, 'остров' (< прасканд. **auj-u* < прагерм. **agw-ij-ō* из *ī*-основы **agw-ī-*) к прагерм. **ahwō* 'вода'⁴, др.-исл. *fyrvar* м. р., *a*-основа (мн.), др.-англ. *fīras* м. р., *a*-основа (мн.) 'му-

⁴ Исчезновение **g* в *ey* и его сохранение в *Ægir* объясняется тем, что второе слово было образовано после прекращения действия той закономерности, по которой прагерм. **g* исчезало перед **w*.

жн', 'die zur Welt, zum Leben gehören' [Kluge 1926 § 7] (прагерм. **fergw-ij-ōz* из **fergw-i'-*) к гот. *fairhwus* м. р., и-основа 'мир'. Переход *i*-основ ж. р. в *ā*-склонение, начавшийся в праиндоевропейском, не был завершен Старыми *i*-основами, сохраняющими исконную форму им. п. (т. е. **-ī*, а не **-j-ā/-ij-ā*) являются, например, др.-инд. *dēvī* 'богиня', гот. *fiwi* 'служанка'.

III В связи с появлением особой формы ж. р., старые обозначения лиц и существ женского пола должны были сменить показатель недифференцированной одушевленности **-i-s* (ставший формантом м. р.) на **-ī*; в противном случае возникало противоречие между родом и полом. Сохранилось, однако, несколько существительных ж. р. с **-i-s* в им. п. ед. ч.: это тип др.-инд. *vr̥kīh* 'волчица'. Можно предположить, что сохранению им. п. ж. р. на **-is* способствовал полный переход *i*-основ м. р. в *o*-склонение, что исключало омонимию с **-is* как показателем м. р. в связи с тематизацией **-i-* в м. р. (**-i-s* > **-(i)j-o-s*) элемент **-is* сохранился как показатель только ж. р. Итак, возникновение двух разновидностей *i*-основ (т. е. *vr̥kīh* и *dēvī*) обусловлено разделением праиндоевропейского одушевленного класса на мужской и женский роды. Древние одушевленные имена на **-is*, обозначавшие лиц и животных женского пола, оказались под одновременным влиянием двух морфологических типов – *i*-основ ж. р. с **-ī* в им. п. ед. ч. с одной стороны, и *ā*-основ, с другой. Вследствие этого существительные ж. р. с **-is* либо меняли этот формант на **-ī* (посредством чего устранялось противоречие между полом и родом), либо приобретали формант **-ā*. Очевидно, что масштаб этих двух явлений совершенно различен. Поскольку в целом *i*-основы сильно уступали в количестве *ā*- и *o*-основам, переход *i*-основ в *ā*- и *o*-склонение был более массовым, чем взаимодействие двух типов *i*-основ. Сохранившиеся существительные с **-is* согласовывались с прилагательными и местоимениями женского рода, что было обусловлено их значением.

Судьба *i*-основ в историческую эпоху определяется как унаследованными праиндоевропейскими закономерностями, так и нововведениями, присущими тому или иному языку. Рассмотрим, как *i*-основы изменялись в германских языках⁵. Насколько известно, единственное слово, имеющее полное внешнее соответствие – это др.-исл. *ylgr* = вед. *vr̥kīh* [Семеренья 1980: 204]. В готском языке имеются только существительные типа *dēvī*, тип *vr̥kīh* не засвидетельствован (в исландском, наоборот, не засвидетельствован тип *dēvī*; он заменен *jō*-склонением). Исландским существительным *mœr*, *fiŕ*, *heiðr* и т.п. (тип *vr̥kīh*) соответствуют в готском *mawi*, *fiwi*, *haiŕi* (тип *dēvī*). Отсюда следует, что прагерм. **-is* в им. п. ед. ч. (засвидетельствованное в исландском) было вытеснено в готском окончанием **-ī*. Гот. *mawi* и другие слова этой группы имеют в им. п. ед. ч. именно **-ī* (сократившееся в исходе слова), а не **-is* или **-ijō*, т. к. такая форма, как **magwīs*, дала бы в готском **maweis* (как *nēmeis* 2 л. ед. ч. оптатива претерита к *ni-man*), а **magwiō* – **mauja* (как *dōmja* 1 л. ед. ч. индикатива презенса к *dōmjan*).

Итак, *i*-основы типа *vr̥kīh* лучше всего представлены в древнеисландском, где сохранились отражения основных особенностей этого склонения **-is* в им. п. ед. ч. (которое дает др.-исл. *-r* с *i*-умлаутом, вызванным синкопированным *i*) и окситонное ударение (о месте ударения свидетельствует др.-исл. *ylgr* < прагерм. **wulgwī's* 'волчица' при *ulfr* 'волк' < **wulfi/hnaz*). Ср. такие существительные с *i*-основами, как *mœr* 'девушка' (< **mœR* < **māz* < **mauz* < **mawiz* < **māgwiz* < прагерм. **magwī's*), род. ед. *meujar* (**mauiōz* < прагерм. **magwiōz*), и *fiŕ* 'служанка' (< **fiR* < **fiuz* < **fi'wiz* < прагерм. *fiwī's*), род. ед. *fiŕjar* (< **fiuiōz*)⁶.

⁵ Следует учитывать, что собственно *i*-основами в исторических германских языках могут считаться лишь те (преимущественно долгосложные) основы, которые имеют в им. п. ед. ч. аффиксы восходящие к и-е **-is* (др.-исл. *ylgr*) или **-i* (гот. *mawi*). В грамматиках они именуются *iō*-основами.

⁶ Варианты *meu* и *fiu* возникают под влиянием основ косвенных падежей *meu-*, *fiu-*. Таким образом, *fiu* так же соотносится с *fiŕ*, как *meu* с *mœr*.

Существенно, что древнее окончание им. п. ед. ч. **-i/-is* сохранилось только у долгосложных основ (единственное исключение – гот. *fiwi*, др.-исл. *fir*). Краткосложные основы имеют окончание *ō*-основ (например, гот. *brakja*, *sibja*, др.-исл. *Frigg* (прагерм. **fri-j-ō*), *Sif* (**seb-j-ō*)).

Таким образом, индоевропейские особенности *i*-основ хорошо отражены в германских языках. С одной стороны, видно колебание между **-is* и **-i*, причем исконным является, естественно, **-is*. С другой стороны, *i*-основы вообще исчезают как морфологический тип, переходя в *ō*-склонение. Следует предположить, что в *ō*-склонение переходили прежде всего существительные с **-i* (т. е. ж. р. типа *dēvī*). То, что это преимущественно краткосложные основы, обусловлено, по-видимому, случайным преобладанием в этом типе в прагерманском именно краткосложников. Точно так же, среди существительных на **-is* в прагерманском преобладали, по-видимому, долгосложные основы.

* * *

Рассмотрев диахроническую структуру именной классификации, дадим относительную хронологию тех реконструированных явлений, последовательность которых составляет предысторию трехчленной категории рода исторических индоевропейских языков:

ПРАНОСТРАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

1) Возникновение именных форм с относительной частицей **mA*, которая присоединялась и энклитически, и проклитически

2) В тех праностратических диалектах, где частица **mA* была энклитикой (алтайский, уральский, дравидийский, индоевропейский), происходит ее распространение на имена 1-го класса (т. е. имена, употреблявшиеся в субъекте активного глагола) в позиции прямого объекта; в этой позиции **mA* используется как словоизменительный аффикс

ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕРИОД

3) Маркирование имен 1-го класса в позиции субъекта активного глагола аффиксом **-s* (< указательное местоимение). В атрибутивных синтагмах, где определяемым является имя 1-го класса, **-s* присоединяется к основе определяющего слова; исчезновение **-n* как показателя род. п. у имен 1-го класса. У имен 2-го класса (т. е. тех, которые не могли быть субъектами активного глагола) **-n* отходит к основе, а окончанием род. п. становится **-s*.

Превращение словообразовательного аффикса **-o-* (< праностр. **-ʔa*) в показатель единственного числа; в качестве показателя множественности используется **-e-*. Распространение **-e-* на формы нераздельной множественности.

4) Распространение **-s* на имена 1-го класса в позиции субъекта пассивного глагола: **-s* и **-m* становятся показателями классов. Возникает двучленная классифицирующая категория, выражающая приписываемую денотатам одушевленность ~ неодушевленность. В атрибутивных синтагмах, где определяемым является неодушевленное имя на **-m*, показатель класса **-m* присоединяется к основе определяющего слова. Исчезновение **-n* как показателя род. п. у неодушевленных имен на **-m*.

Распространение **-o-* (показатель ед. ч.) на имена 2-го класса. Отсутствие категории раздельной множественности у пассивных имен влечет превращение **-ā/-a* в окончание мн. ч., нейтральное в отношении раздельности ~ собирательности. Вследствие превращения **-ā/-a* в окончание мн. ч., форма существительных, использовавшихся только в форме нераздельной множественности, начинает противоречить их значению и осмысливается как особая форма ед. ч. на **-ā/-a*.

Превращение формы нераздельной множественности одушевленных имен в форму ж р.; *-s становится показателем м р. двучленная именная классификация заменяется трехчленной.

5) Десемантизация именных классов. Поскольку различное маркирование имен в одних и тех же позициях (прежде всего, в субъекте) становится десемантизированным, оно не может быть устойчивым. В историческую эпоху происходят колебания в роде, выравнивание и разрушение парадигм, что может способствовать исчезновению самой грамматической категории рода

В заключение предложим следующие определения:

Именной класс в индоевропейских языках – это такая группа существительных, принадлежность которых к единому словоизменительному типу обусловлена их значением. Основанием для выделения именных классов является наличие семантической мотивации в принадлежности существительных к тому или иному типу склонения.

Категория рода в реконструированном праиндоевропейском – это морфологическое выражение приписываемого денотатам пола. С диахронической точки зрения роды исторических индоевропейских языков являются десемантизированными именными классами

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист 1955 – Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
- Гамкрелидзе Иванов 1984 – Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Дыбо 1994 – В. А. Дыбо. Язык – Этнос – Археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Язык. Культура. Этнос. М., 1994.
- Дыбо 2003 – В. А. Дыбо. Язык – Этнос – Археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Тез. докл. международной научной конференции. М., 2003.
- Иллич-Свитыч 1971–1984 – В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Т. I М., 1971. Т. II М. 1976. Т. III М., 1984.
- Лосев 1988 – А. Ф. Лосев. Философия античности в целом и в частности // А. Ф. Лосев. Дерзание духа. М., 1988.
- Лосев 1989 – А. Ф. Лосев. История античной философии в конспективном изложении. М., 1989.
- Лосев 1996 – А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян. М., 1996.
- Мейе 1938 – А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Семереньи 1980 – О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Уленбек 1950 – Х. К. Уленбек. Agents и Patients в падежной системе индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
- Филлмор 1999 – Ч. Филлмор. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. М., 1999.
- Хелимский 2000 – Е. А. Хелимский. Ностратические компоненты показателя собирательности: славянско-самодийская аналогия // Е. А. Хелимский. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Kluge 1926 – F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 3. Aufl. Halle, 1926.
- Noreen 1923 – A. Noreen. Altislandische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urnordischen. 4. Aufl. Halle, 1923.